

Тэмы і падзеі ў датах

В январе 2009 года научная общественность нашей страны отметит очередной юбилей известного белорусского учёного, доктора психологических наук, профессора Я.Л. Коломинского, творчество которого не нуждается в специальном представлении читателю. Работы Якова Львовича знают и почитают не только в Беларуси, но и далеко за её пределами, и, к слову сказать, не только психологи, но и все те, для кого гуманитарные проблемы не кажутся надуманными.

В предлагаемом вниманию читателей интервью учёный рассказывает о своём пути в науку, людях и встречах, благодаря которым ему удалось состояться в профессиональном и личностном планах, межпоколенных отношениях психологов, новых феноменах жизни и проблемах, проявившихся в последнее время в культурной, научной и образовательной ситуации Республики Беларусь, к которым, с точки зрения Я.Л. Коломинского, следует внимательно присмотреться.

Организация встречи с профессором Коломинским, её запись, научная редакция стенограммы осуществлены кандидатом психологических наук А.А. ПОЛОННИКОВЫМ.

О времени и о себе

А.П.: Яков Львович, если вы не против, мы сегодня не будем говорить о понятиях в психологии, о них уже достаточно написано в ваших работах, и любой желающий может с ними познакомиться. Давайте построим наш разговор следующим образом: сначала поговорим о близком круге людей, которые помогли вам состояться, а затем о «дальних», быть может, даже и не психологах, с помощью которых вы строили свою жизнь.

Я.К.: Начну издалека. В годы войны мы были в эвакуации в городе Ашхабаде. Моя мама работала там воспитательницей детского сада. Поэтому педагогические реалии существовали для меня с самого детства. Вспоминается одно любопытное событие. Я сопровождал маму довольно часто, в том числе и на курсы по повышению квалификации. Однажды руководитель сказал маме, что Яше тоже надо дать свидетель-

ство об окончании курсов. Но вот я вырос, стал заниматься психологией, и в том числе психологией детской игры, и здесь у меня возникло своеобразное «*deja vu*». Я чувствую, что многое об игре знаю, а откуда – понять не могу. И вот уже после смерти Алексея Николаевича Леонтьева¹ в книге воспоминаний о нём читаю статью его сотрудницы Н. Морозовой, которая приводит в своём рассказе фрагмент письма Алексея Николаевича к ней. Леонтьев пишет: «Я сейчас живу в Ашхабаде и читаю лекции для дошкольных работников». Скорее всего, именно эти лекции мне и довелось слушать в те годы. Когда я рассказал об этом моему другу, Алексею Алексеевичу Леонтьеву² (увы, его уже нет среди нас), он пришёл в восторг и уговорил меня рассказать об этом на конференции в МГУ, посвящённой столетию со дня рождения А.Н. Леонтьева.

У меня есть гипотеза о персоногенных ситуациях развития. Может, это и была одна из таких ситуаций, создающих личность, которую я испытал на себе.

Конечно же, на меня оказала большое влияние моя мама Эсфирь Павловна. Она была до войны заведующей библиотекой в Наровле. Я помню проблемы с книгой Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Когда с Германией были дружеские отношения, её прятали на складе, а когда отношения ухудшались, то распоряжались извлечь её оттуда. Мама это всё очень переживала. То, что я рос среди педагогических идей и книг, сыграло огромную роль. Большое влияние оказал на меня преподаватель языка и литературы в Наровлянской средней школе Борис Наумович Хандроса. Он был изумительным преподавателем, писателем, и до самых его последних дней мы с ним переписывались. Он научил меня относиться ко всему творчески. Под его влиянием мне даже захотелось стать журналистом или писателем. С этой мыслью я поехал поступать в институт, а у меня была, к слову сказать, серебряная медаль.

А знаешь, почему у меня была не золотая медаль, а серебряная? Потому что в своём сочинении я написал слово «Ильичём» через «о». Но так писать меня научил, как ни странно, Борис Наумович.

Я поехал поступать в Минск в БГУ. Но там мне ректор прямо сказал, что им нужны национальные кадры и мне здесь делать нечего. А это был 1951 год. В итоге я подал документы в пединститут имени М. Горького, и тогдашний ректор Иван Емельянович Лакин уговорил меня поступать на факультет педагогики и психологии. И я, который о психологии до сих пор ничего не знал, вскоре убедился, что из всех предметов, которые там читают, единственный, который чего-то стоит, это психология. Я даже помню название своего первого научного доклада по психологии: «Закон силы в учении Павлова о высшей нервной деятельности». Тогда можно было наблюдать много интересных вещей. Например, в учебнике психологии на первых страницах во всю расхваливался И.П. Павлов. А на последующих – ругательно ругался бихевиоризм. И никому в голову не пришло, что это очень близкие научные позиции. Когда же я был в Америке и вызвал в библиотеке карточку «советские психологи», то возникли следующие фамилии: Павлов, Выготский и Лурия. Павлова они считают великим основателем бихевиоризма. Идеологические шоры настолько гипнотизировали авторов психологических учебников, что они оказывались неспособными провести параллель между учением Павлова и бихевиоризмом.

В моём становлении как психолога большую роль сыграл тогдашний заведующий кафедрой психологии М.Я. Мышко. Под его руководством я написал первые студенческие научные работы, участвовал в конкурсах студенческих исследований. Кроме него, психологические дисциплины у нас читали психологи из Москвы. Огромное влияние оказала на меня, конечно же, Лидия Ильинична

¹ А.Н. Леонтьев (1903–1979) – декан факультета психологии МГУ, академик-секретарь отделения психологии и вице-президент АПН РСФСР.

² А.А. Леонтьев – профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования.

Божович³. Но это позже, когда я поступил в аспирантуру.

А.П.: *А как возникла ситуация с аспирантурой?*

Я.К.: Ну, это получилось, можно сказать, естественно. Я был активным студентом, председателем студенческого научного общества факультета и единственным, кто получил после окончания вуза направление в педагогическое училище. Я начинал работу преподавателем педагогических дисциплин в Новогрудке. Там я много писал, в том числе и художественные рассказы, один из них напечатали даже в «Новом мире». Иногда шучу по этому поводу: писал всё, кроме доносов. После закрытия училища я приехал в Минск и стал работать воспитателем в школе-интернате № 17, которая была там, где сейчас находится Национальный институт образования.

К этому времени относятся и мои первые серьёзные научные статьи. В этом деле большую роль сыграл Рем Иосифович Водейко⁴. Он был тогда научным сотрудником института педагогики и выпускал сборник научных статей «Первые успехи». В этом сборнике я и опубликовал материалы, посвящённые проблемам индивидуальной работы с детьми. Потом были другие публикации, но свою первую, собственно психологическую, я помню достаточно хорошо.

Помню и первые научные конференции. На одну из них, кажется, это было в 1959 году, приехало много гостей из Москвы, Ленинграда. Хорошо помню выступление Александра Григорьевича Ковалёва⁵. После моего сообщения он сказал: «Вы мне очень понравились. Я вас немедленно беру к себе в аспирантуру». Тогда же я познакомился и с Исааком Розетом⁶, ходившим с большим,

как у Жванецкого, потёртым кожаным портфелем. В разговоре со мной он бросил: «Твоё выступление мне не очень понравилось, но ты мне понравился». С той конференции ведёт начало наша с ним дружба, которая очень много мне дала.

В аспирантуру я поступал, по видимому, дважды... Поскольку у нас в Беларуси в то время не было ни одного доктора наук, то на учёбу в аспирантуру посылали в Москву или Ленинград. В Москве Лидия Ильинична Божович, узнав, что у меня есть опубликованная статья о работе с детьми в школе-интернате, а она тогда вела близкую научную тему, взяла меня к себе. Я поехал к ней на Преображенку, она была больна, но строго спросила: «Ну, что, Яша, вы смелый человек?». Я на всякий случай говорю: «Смелый». «Тогда, – говорит она, – давайте попробуем заниматься социометрией». Она познакомила меня с текстами Я. Морено, и я на школьниках впервые в нашей стране применил социометрический метод. Впоследствии я его существенно преобразовал.

С Еленой Павловной Ересь⁷ я был также немного знаком. Она обижалась на меня за то, что я нашёл себе научного руководителя в Москве. То есть немного ревновала.

А.П.: *Вы в основном говорили сейчас о психологах, а люди других профессий? Может быть, книги?*

Я.К.: Здесь, наверное, следует назвать моего брата, к сожалению, покойного Наума Львовича Коломинского. Он долгое время занимался проблемами дефектологии. Большое влияние на меня оказал и старший брат Аркадий. Он сейчас живёт в Нью-Йорке. В своё время он был директором школы, мы с ним очень дружили и дружим. И, конеч-

³ *Л.И. Божович* – ученица Л.С. Выготского, заведующий лабораторией психологии формирования личности НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, доктор психологических наук, профессор.

⁴ *Р.И. Водейко* – заведующий кафедрой психологии БГУ, кандидат психологических наук, профессор.

⁵ *А.Г. Ковалёв* – доктор психологических наук, профессор.

⁶ *И.М. Розет* – заведующий сектором эргономики Белорусского филиала ВНИИ технической эстетики, кандидат психологических наук.

⁷ *Е.П. Ересь* – организатор отделения логики, психологии и русского языка филологического факультета БГУ, кандидат психологических наук, доцент.

но же, мой лучший друг Давид Симанович. Поэт, писатель. Такой вот круг друзей.

Из московских друзей это, конечно, Алексей Алексеевич Леонтьев, Игорь Семёнович Кон⁸, Владимир Петрович Зинченко⁹. Дружил я с Евгением Петровичем Кузьминым, создавшим в ЛГУ первую в стране кафедру социальной психологии. Дружу до сих пор и с Галиной Михайловной Андреевой¹⁰. Она даже посвятила мне несколько эпиграмм. Вот одна из них: «Но тут поднялся Коломинский и так сказал: а мы вот в Минске пойдём совсем иным путём. Начнём от матери с дитём». Дружны мы были и с Игорем Губерманом¹¹. Особенно в то время, когда он был психологом. У него даже есть книжка по психологии – «Чудеса и трагедии чёрного ящика», кажется, небольшая книжечка о Бехтерева. Тёплые отношения были у меня с Валерией Сергеевной Мухиной¹², Артуром Владимировичем Петровским¹³, Алексеем Александровичем Бодалёвым¹⁴. Петровский был оппонентом на моей докторской диссертации. Я сказал в заключение тогда: «Я особенно благодарен моему оппоненту за то, что в дискуссии с ним укреплялась моя собственная концепция». Многолетняя дружба связывает меня с Владимиром Леви¹⁵. Мы познакомились, когда в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Эврика» выходили наши книги: у меня – «Человек среди людей», а у него – «Охота за мыслью».

А.П.: *Спасибо, Яков Львович. С близким кругом людей вы меня познакомили. А какие книги были для вас, так сказать, «персональными»?*

Я.К.: Когда-то на меня произвела большое впечатление книга Натана Семёновича Лейтеса¹⁶ о детской одарённости. Это была необычная книга – не сухие научные выкладки, а живые портреты детей. Это были, говоря сегодняшним языком, феноменологические заметки. Вспоминаются и тепловские работы. Например, замечательная книга «Ум полководца». Я встречался потом с Борисом Михайловичем Тепловым¹⁷. Литературная одарённость автора для меня очень важна. Очень литературно одарённым человеком мне представляется Артур Владимирович Петровский. Особенно это видно по его последним книгам. Интересна книга Нины Васильевны Кузьминой¹⁸ о педагогических способностях. И, конечно же, книги Лидии Ильиничны Божович. «Личность и её формирование в детском возрасте» – пожалуй, лучшее из того, что было написано о личности.

А.П.: *Этой книгой она нам открыла «дверь» на Запад.*

Я.К.: Да, и сделала это очень корректно.

А.П.: *Яков Львович, круг своего становления вы обозначили. Но мы не затронули проблемы трудностей. Мне кажется, что при всём при том ваш путь не был лёгким движением.*

⁸ И.С. Кон – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования.

⁹ В.П. Зинченко – организатор и первый заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии в Москве, заведующий отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР, заведующий кафедрой эргономики Московского института радиотехники, электроники и автоматики.

¹⁰ Г.М. Андреева – заведующий кафедрой социальной психологии МГУ, доктор психологических наук, профессор.

¹¹ И.М. Губерман – российский писатель, поэт.

¹² В.С. Мухина – академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

¹³ А.В. Петровский – в 1992–1998 годах президент РАО, доктор психологических наук, профессор.

¹⁴ А.А. Бодалёв – главный научный сотрудник, академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

¹⁵ В.Л. Леви – психотерапевт, доктор медицинских наук, доктор психологических наук, автор научных работ и популярных книг по психологии и медицине.

¹⁶ Н.С. Лейтес – исследователь в области возрастных и индивидуальных особенностей человека, доктор психологических наук, профессор.

¹⁷ Б.М. Теплов – советский психолог, основатель школы дифференциальной психологии, доктор психологических наук, профессор.

¹⁸ Н.В. Кузьмина – член-корреспондент АПН СССР, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и возрастной психологии ЛГУ.

Я.К.: Да, конечно. С самого начала появлялись разного рода сложности, например по пресловутому пятому пункту. Хотя в аспирантуру меня приняли. Большие трудности были и со становлением советской социометрии. Время от времени на неё совершались те или иные нападки. Социометрия, как мне кажется, очень интересная вещь. Её либо любят, либо терпеть не могут. Лично я создал множество социометрических методов, например аутосоциометрию...

А.П.: *Мне кажется, вам удалось изобрести новую метафору в трактовке социометрии, которая связана с акцентом на взаимодействии.*

Я.К.: Да, действительно. Общение в широком смысле закрывает для исследователя предмет. Он не знает, что, собственно, изучает. Он исследует внешнее контактирование или внутреннюю основу? Понятие «межличностное взаимодействие» позволяет более жёстко зафиксировать адрес исследования.

А.П.: *И в то же время позволяет не только изучать этот предмет, но и как-то с ним работать.*

Я.К.: Позднее, в порядке самонаблюдения, я заметил, что у меня многие понятия имеют, так сказать, двойную экспозицию. С одной стороны, это строгое научное понятие, а с другой – художественный образ. Например, «феномен Шахерезады». Или «феномен Перикла». Когда-то Перикл готовился к переизбранию. Это было время античной демократии, и люди голосовали такими глиняными черепками, которые назывались «остраконы». Отсюда слово «остракизм». Написанные на черепках имена означали недоверие избирателей. И вот идёт Перикл по Афинам, его останавливает один свободный житель и говорит: «Добрый человек, помоги мне имя написать. Я-то сам грамоте не обучен». «А чьё же ты имя хочешь написать?», – спросил Перикл. «Разумеется, Перикла», – ответил гражданин. «А что же он тебе плохого сделал?», – удивился Перикл. «Да ничего плохого, просто надоело слушать, как его все восхваляют». Вот я и говорю, что, если ты хочешь создать в коллективе изолированную личность, то ты его не ругай, а хвали. Так мы получим «отверженного». Или ещё одно понятие: «персоногенная ситуация раз-

вития». Здесь мне на ум приходит ещё один образ. У Глеба Успенского есть новелла про одного человека, который оказался в Лувре. Там, увидев изображение Мадонны, он упал перед ней на колени. С тех пор его жизнь радикально изменилась. Или, скажем, у мальчика Пешкова, будущего Горького, в «Выпрямило», так, кажется, назывался его рассказ с описанием избития работника. «С меня как будто содрали кожу», – писал Алексей Максимович.

Ведь плавная линия онтогенеза, она только в учебниках. Человек развивается иначе, по своей собственной траектории. И там есть узловые точки, то, что я называю «персоногенная ситуация развития», то есть ситуация, которая рождает личность. На эту тему один мой аспирант из Гомеля Сергей Жеребцов написал диссертацию. Хорошее, глубокое исследование.

А.П.: *Яков Львович, предметом моих исследований является современная ситуация в психологической науке. Профессор Кандыбович когда-то мне задал вопрос, на который я до сих пор не нашёл ответа: «Что происходит в нашей науке? Почему так?». В этом вопросе содержится и определённая оценка. Она связана с неудовлетворённостью существующим положением дел. Вы согласны с такой оценкой? Так не просто было всегда или здесь есть какая-то динамика? Вы основатель психологического направления, у вас статус, огромное количество творческих связей в научном мире, и не только. Собственно, вся история белорусской психологии или, по крайней мере, её значительная часть проходила на ваших глазах и с вашим участием.*

Я.К.: Я думаю так: был период большого подъёма, когда Минск признавался одной из психологических столиц Советского Союза. Было создано направление, которое мы сегодня называем педагогической возрастной социальной психологией.

А.П.: *Но ведь это была главным образом деятельность вашей группы.*

Я.К.: Да, шло становление белорусской школы психологов. Были и другие группы, но у этой стало проявляться своё лицо. И даже первый всесоюзный симпозиум по проблемам молодёжных групп и коллективов

был в Минске. Это было большое признание. При этом под моим руководством были защищены около 50 кандидатских диссертаций и семь докторских. Я думаю, что научное движение только и возможно через становление научных школ. Сегодня одинокий мыслитель проблематичен во многих отношениях. Во-первых, это говорит о его собственной манере, о том, что он замкнул на себе всё. Это непродуктивный путь развития. Важно, чтобы возникали ответвления. Так, у нас, например, хорошее развитие получила детская психология. Под руководством Елизаветы Александровны Панько¹⁹ возникла белорусская национальная программа «Пролеска». Вышла методическая книжка по работе с программой «Пролеска». Сегодня намечается новая и перспективная ветвь в психологии – психология здоровья. Речь идёт о психологическом здоровье. Данная программа связана с моей концепцией психологической культуры. Когда я говорю, что целью психологической работы является психологическое здоровье личности, то я это связываю со становлением нового на сегодняшний день научного направления. И это возникающее движение питает мой оптимизм. У нас есть интересные психологи в Бресте, Гродно...

А.П.: *Вы отмечаете в развитии белорусской психологии определённый взлёт, в том числе и по индексу цитирования белорусских работ, их тиражам, спросу на белорусские исследования в целом. Это, как говорится, несомненный факт. Но ведь это всё по большей части в прошлом? Или не так?*

Я.К.: Я бы сказал, что взлёт продолжается до сих пор. Вот в серии «Мастера психологии» вышли книжки. Ведь это результат работы школы. Учёный не должен быть эгоистом. Мне иногда жена говорит: «Твои аспиранты и сотрудники не понимают одной вещи. Когда они консультируются по телефону, то они должны ставить рядом с собой диктофон». Когда у меня возникает идея, то я не дрожу над ней, как скупой рыцарь. Я её с удовольствием дарю и затем с удовольствием курирую. Во-вторых, я считаю, что важно не

замыкаться в своей узкой сфере. Сегодня я активно работаю и в смежных областях, например в психотерапии. Один из моих учеников – профессор Сергей Александрович Игумнов. Сегодня он редактор журнала «Клиническая психология и психотерапия». Мы нашли общий язык в проблематике психологического здоровья. При этом я настаиваю на термине «психологическое», а не «психическое» здоровье. Лидия Ильинична использовала несколько иное близкое понятие: «эмоциональное благополучие человека».

Мне печально видеть психологов двух типов. Тех, кто прочитал на одну переводную книжку больше, чем другие, и уже считает себя классиком, и тех, которые никого не читают, а работают только с собой. Своеобразное научное самоудовлетворение. В обоих случаях это бесплодно. Твоя книжка может и сохраниться, подвергаясь грызучей критике мышей, да и только. И по ученикам видно: их либо нет вовсе, либо у них сплошные провалы. Мне нравится та линия, по которой пошёл Леонид Абрамович Пергаменщик²⁰. Это линия кризисной психологии. Когда-то мы её вместе в Чернобыльском центре НИО начинали.

Я думаю, что отрицательно характеризовать современную белорусскую психологию не следует. Теперешний этап её развития – этап сложный, кризисный. Кризис заключается в том, что отцы-основатели, говоря простым языком, постарели. Среднее звено, генерация психологов 35–50 лет, оказалось слабым. Произошёл разрыв поколений. Отчасти это связано с распадом Советского Союза. Меня беспокоит некоторое засилье арифметического высокомерия. Некоторые авторы этой ориентации полагают, что применение статистических методов автоматически гарантирует научную обоснованность. Любят цитировать химика Больцмана: «Во всякой науке истины столько, сколько в ней математики». Я перефразировал это утверждение: «В психологии столько правды, сколько в ней поэзии».

А.П.: *Яков Львович, по моим наблюдениям*

¹⁹ Е.А. Панько – профессор кафедры общей и детской психологии БГПУ им. М. Танка, кандидат психологических наук.

²⁰ Л.А. Пергаменщик – доктор психологических наук, профессор БГПУ им. М. Танка.

ям, в последнее время вы очень много усилий предпринимаете в направлении «окультурирования» научной ситуации, выступаете в печати, на советах по защите диссертаций, пытаетесь оказать влияние на политику Министерства образования, наверное, в этом плане довольно много сложностей? Вы пытаетесь удержать планку научности? Это получается?

Я.К.: Не всегда. В отличие от тебя, который может недрогнувшей рукой написать в отзыве на диссертацию «не заслуживает», я считаю, что кандидатская диссертация – это квалификационное произведение. Не думаю, что в ней нам следует искать какие-то научные открытия. Если это квалифицированно сделано, нет грубых ошибок, если человек проявил себя как исследователь, то я ему прощаю некоторые огрехи. Может быть, я бываю здесь слишком снисходительным.

Сейчас происходят срывы в защитах, отклонение, порой незаслуженное, защищённых работ. Мы фактически закрываем молодёжи путь в науку. Я считаю, что наука заслуживает того, чтобы в неё «пускали». Если, конечно, нет грубых методологических просчётов, за которые несёт ответственность научный руководитель. Я порой удивляюсь: он что, не читал? Ведь очевидны недоработки. Здесь настоять на своём мнении не всегда получается. Но шанс давать человеку всё же следует. Хотя в некоторых случаях я склонен занимать жёсткую позицию. Это касалось и касается тех работ, которые считаю методологически ошибочными, а идеологически даже вредными.

А в целом с молодёжью ситуация тревожная. Осталось 20 докторов, многие из которых уже сходят со сцены. Некоторые уже не могут продуцировать научные идеи. А у нас закрыли Совет по защите докторских диссертаций.

Сейчас я активно пропагандирую идею психологической культурологии. Я хочу, чтобы наше общество было психологически грамотным. И врачи, и даже психотерапевты психологии не научены. Сейчас я книжку пишу, которая пока без названия. Но по содержанию это описание моего опыта преподавания психологии. И главное в нём то, о чём я не пишу. Это не будет стандартный

учебник по методике преподавания психологии. Я хочу, чтобы в этой книжке была психологическая поэзия.

А.П.: Так у вас же есть такая книжка.

Я.К.: Какая?

А.П.: «Человек: психология».

Я.К.: Это другая. Там я не учу, как преподавать психологию. Эту книжку я хочу выстроить методически. Я её адресую молодым преподавателям психологии. Может быть, я её назову так: «Психология: поэзия и проза преподавания». Или так: «Педагогика психологической проповеди». Там я хочу привести словарное определение проповеди.

А.П.: Это особая риторическая реальность...

Я.К.: Я и хочу создать эту особую реальность.

А.П.: Мне кажется, что поэтическое представление психологии – это сильный и современный ход.

Я.К.: Опыт преподавательской рефлексии... Когда я принимаю экзамен, то на него мои студенты приносят большую папку методических материалов, собранных за время изучения курса.

А.П.: Да, я видел эти папки у вас на занятиях. В них не только собрано преподаваемое содержание, но и представлены самоотчёты студентов, выделены «трудные» вопросы. Такого рода документы могут быть хорошим практическим средством, обеспечивающим профессиональную настройку будущего педагога.

Я.К.: Конечно, да и экзамен упрощается. Когда студент приходит с этими материалами на экзамен, то сразу видна вся его работа в течение семестра. В этом направлении я сейчас работаю и кое-что из этого, наверное, попадёт в мою методическую книжку.

А.П.: Немного о другом. Я думаю, что использовать учёных вашего уровня для чтения поточных курсов вряд ли разумно.

Я.К.: Но так оно получается. Правда, здесь есть одно обстоятельство – я очень люблю студентов и педагогическую работу. Некоторые говорят: «Вот хорошо Якову Львовичу читать лекции – откроет свою книгу и читает». Но реально всё происходит наоборот. Я читаю лекцию, проговариваю её, а потом многое из неё записываю. Чтение лек-

ции всегда творческий процесс. Много рождается здесь и сейчас.

А.П.: Хотелось бы, завершая наш разговор, уточнить ещё один момент. Ваш рассказ касался в основном развития созданного вами научного направления. И здесь ситуация выглядит в основном как благоприятная. Но какова ситуация в белорусской психологической науке в целом? Можно ли смотреть в будущее белорусской психологии, так скажем, с оптимизмом?

Я.К.: В целом ситуация действительно сложная. Не все психологи, работающие сегодня в республике, разделяют описанные мной позиции. И, не разделяя этих позиций, проявляют определённую ревность. Многие любят себя в науке больше, чем науку в себе. Вот возьми, к примеру, Общество психологов. Ведь многие подчёркнуто не участвуют в его работе. И это странно. В своё время меня уговорили возродить Общество психологов, работа которого практически сошла на нет. Его фактически не существовало. Мне пришлось начинать всё с нуля. И сегодня, может быть, не так, как хотелось бы, но Общество работает. Учёный, повторюсь, не должен быть эгоистом. Что-то должно делаться, как когда-то говорили, для общества. И эта закваска во мне сидит. Как началось с пионерской организации Туркмении, где я был одним из её основателей, так и продолжается до сих пор. Мы сделаны в СССР, и от этого никуда не денешься. И это не такая уж плохая закваска. Я с гордостью вспоминаю, как на последнем съезде Общества психологов СССР меня тайным голосованием избрали вице-президентом. Не так давно я выступил с призывом: «Психологи СНГ, соединяйтесь!». И, представь себе, процесс, как гово-

рится, пошёл: психологи Москвы поддержали. А там и другие подтянутся. Сегодня, как мне представляется, консолидация наших психологов может произойти на уровне среднего звена. Ваше поколение должно принять у старших эстафету и взять в свои руки ситуацию в психологии республики.

А.П.: Но здесь тоже есть определённая проблема. Мне, например, гораздо проще найти язык с представителями старшего поколения психологов, чем со многими своими сверстниками. Часто просто нет никаких шансов.

Я.К.: Мне кажется, что многие трудности связаны со сменой поколений, с особенностями межпоколенной преемственности.

А.П.: Но если новое поколение, приходящее на смену, часто внушает тревогу, то будущее белорусской психологии вряд ли назовёшь лучезарным.

Я.К.: Нет, интересные психологи есть, но им нужно помочь раскрыть перспективу, помочь молодёжи стать «на крыло».

А.П.: Яков Львович, но та ситуация, которую формировали вы, во многом строилась вокруг лидера. Причём лидера-организатора. А сегодня такие фигуры появляются?

Я.К.: Люди с задатками организатора есть. Это и Л. Шумская, и С. Жеребцов, моя докторантка из Мозыря Л. Калач, Г. Малейчук из Бреста, О. Белановская из Минска. Есть способные люди у нас в стране. Но с общественным темпераментом есть большая проблема...

А.П.: Спасибо, Яков Львович, я получил ответы на интересующие меня вопросы. Хотя, как мне показалось, у нас получилась скорее содержательная беседа, чем то, что принято называть интервью.